Лобовая атака

Автор:
Сергей Зверев

Лобовая атака

Сергей Иванович Зверев

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя – неизменный знак качества каждой новой книги.

1941 год. Во время жестоких боев на Смоленском направлении экипаж танка Т-34 младшего лейтенанта Алексея Соколова попадает в плен. Искореженную машину немцы отгоняют на ремонтный завод, а самих танкистов определяют в специальный лагерь, где им предстоит дожидаться своей участи. Но фашисты не торопятся их казнить. Соколов узнает, что немецкое командование в целях пропаганды готовится снять постановочный фильм о танковом поединке русских и немецких экипажей, в котором наглядно победят германские асы. Лейтенант понимает, что этот «бой» будет для пленных танкистов последним. Он решает использовать подвернувшийся шанс, чтобы вырваться на свободу…

Сергей Зверев

Лобовая атака

© Зверев С.И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Небо было низкое, тяжелые дождевые тучи ползли, казалось, цепляясь за верхушки деревьев. Жара мгновенно сменилась прохладой, потянуло дождевой свежестью, зашевелились придорожные кусты и ветки на чахлых деревцах склона высоты 71,8. Если дождь и не пойдет, то немецкая авиация все равно сегодня не налетит. Значит, есть время для укрепления позиций.

Командир батальона майор Парамонов шел с командирами подразделений по позициям, где кипела работа. Углубляли и укрепляли развороченные взрывами или засыпанные окопы, восстанавливали блиндажи и огневые точки. За шесть дней боев высоту несколько раз перепахивали бомбами немецкие самолеты, с закрытых позиций била тяжелая немецкая артиллерия. Стреляли танки, минометы, но высота оживала каждый раз, когда враг шел в атаку.

Сейчас комбата хотя бы не тяготили раненые, отправленные в тыл на тех машинах, которые привезли боеприпасы. Но легкораненые почти все остались в строю. Примером для многих был старший политрук Васильев. Раненая кисть левой руки начала распухать и темнеть под повязкой. Военврач, приезжавшая с машинами, осмотрела руку политрука и категорически велела ему отправляться в санбат. Может начаться гангрена, и тогда не спасти руку.

Но Жорка Васильев, молодой парень, бывший студент, парторг факультета Краснодарского пединститута, только поблескивал темными глазами и, упрямо стиснув зубы, застегивал гимнастерку. И когда военврач, молодая энергичная женщина, пригрозила политруку, что доставит его на лечение под конвоем, он вдруг стиснул ее руку здоровыми пальцами правой руки и посмотрел в глаза таким взглядом, от которого даже у врача с пятнадцатилетним стажем похолодела спина.

– Я останусь все равно, вы должны понять, – шептал ей Жорка, оглядываясь по сторонам, не слышат ли бойцы. – Я сейчас для них всех не менее важен, чем пулеметы и пушки. Поймите, солдат не оружием силен. Он силен духом, верой в правое дело, которое защищает. Он силен пониманием того, что самое главное дело на земле сегодня и сейчас – защищать вот эту высоту. И все, ничего больше в мире не существует. И не будет существовать уже никогда, если он отдаст высоту врагу. Понимаете?

– Но есть же командиры, в конце концов, – прошептала в ответ военврач, поправляя очки. – Можно прислать другого политрука, из тыла, раз это так важно.

– Нет, – твердо ответил Васильев. – Это будет нечестно. Никто из нас на высоте не проживет больше двух суток. Все, кого вы сейчас видите, умрут. Здесь умрут, на этой высоте. У меня просто не успеет развиться гангрена, доктор. Уходите, уезжайте, здесь скоро начнется такое, чего вам не надо видеть.

Политрук говорил таким голосом, с такими интонациям, что военврач поднялась на непослушных ногах и огляделась по сторонам. Она видела солдат, командиров, а в голове звучали слова раненого политрука. И она видела перед собой еще живых, двигающихся людей. Они курили, смеялись, торопливо восстанавливали окопы и блиндажи, но они… они были уже мертвыми. Военврач сняла очки, тряхнула головой, отгоняя наваждение. Потерев уставшую переносицу, она снова надела очки и медленно пошла между окопами к машине. Она смотрела и молча прощалась с этими людьми.

– Лейтенант Лукьянов, – комбат показал рукой на линию окопов, – занимаете правый фланг. Ваш сектор обороны от ориентира «устье оврага» до ориентира «одиноко стоящее дерево». Борисов, ваш сектор…

Соколов шел последним за группой командиров, среди которых осталось только три офицера, включая и самого комбата. Взводами, в которых оставалось по десятку человек, командовали сержанты, ротами – лейтенанты, причем вон тот, Борисов, был техником-лейтенантом из роты обеспечения. Но сейчас не важна квалификация. Надо просто стрелять, вдохновлять бойцов. Надо просто удержаться на позициях роты, и все.

– Младший лейтенант Соколов! – комбат повернулся, ища глазами танкиста. – Ну, на тебя у меня особая надежда. Ты моя самая надежная огневая точка. Показывай свою позицию.

Внизу экипаж заканчивал выкапывать танковый окоп. Вот Бабенко завел двигатель, и танк плавно спустился в прямоугольную яму. Логунов повернул башню в одну сторону, в другую. Видимо, глубина была достаточной, и обзор тоже. Двигатель танка заглушили. Рядом пехотинцы помогали восстанавливать блиндаж, накатывая третий ряд бревен на крышу.

– Первая линия обороны, – Соколов показал на местности рукой, – от дороги соседа справа. Окопы в полный профиль с двумя блиндажами. Пулеметные гнезда: два на флангах вынесены вперед на шесть метров. Два пулеметных гнезда в линии окопов с возможностью фланкирующего огня. Огневые точки расчетов противотанковых ружей отнесены на десять метров назад. Окоп для танка – на второй линии обороны в ста метрах.

– Надо было в первой линии ставить, – устало посоветовал старшина с седыми прокуренными усами. – Бойцам спокойнее, когда такая громада под боком из пушки лупит.

– Сто метров, – повернулся Соколов к старшине, – это два броска гранаты. Прорвавшиеся в первые траншеи немцы все равно не смогут забросать танк кумулятивными гранатами, а танк сможет прикрывать позицию из второй линии. Сто метров – не расстояние для пушки и пулеметов. К тому же противник, выявив позицию закопанного танка, предпримет самые активные действия по ее уничтожению. В этом случае пехота прикрытия понесет неоправданные потери.

– Ладно, ладно, – махнул рукой комбат. – Мне тебя и так рекомендовали как грамотного командира с боевым опытом. Как твоя пехота, надежные ребята?

– Среди них красноармейцы, которые успели побывать в немецком плену, товарищ майор, – немного тише ответил Соколов. – Они понимают, что, независимо от причин, по которым каждый попал в плен, это все равно позор для советского солдата. И они рвутся смыть его кровью. Это красноармейцы, побывавшие в окружении, и партизаны из местного населения, которые видели, что несут фашисты нашей стране, ее народу. Они готовы умереть, но не пропустить ненавистного врага дальше. Это надежные бойцы, я им верю.

– Хорошо, Соколов, готовь позицию. Я думаю, сегодня немцы атаковать не будут. Они понесли большие потери в прошлый раз и без поддержки авиации или артиллерии не сунутся. Авиация сегодня не вылетит из-за погоды, а артиллерию им еще надо сюда подтянуть. Я тебе пришлю бойцов с маскировочной сеткой. Натянешь над танком. Всем командирам подразделений быть на КП батальона в 23.00 и доложить о готовности обороны. Все, выполняйте.

Козырнув, Соколов поспешил к своему танку. Без отдыха, вымотанные длительными переходами и почти беспрерывными стычками с врагом, танкисты

снова оказались на передовой.

Десять дней назад Алексей получил приказ в составе ударной группы, в которую вошел его танковый взвод, выйти в тыл немцев в районе Бобруйска на временно оккупированной территории и разыскать штаб генерала Казакова. Приказ Алексей выполнил, хотя группа практически вся погибла. Он с одним своим танком все же разыскал штаб мехкорпуса генерала Казакова. И с остатками последней роты, что осталась со штабом генерала и партизанами, вышел к своим.

Вышли они удачно, ударив в спину наступавшей немецкой части в самый разгар ее атаки на укрепленную высоту 71,8. Удар пробивавшейся через линию фронта группы был своевременным. Атака захлебнулась, батальон получил передышку, подкрепление и боеприпасы. Танк Соколова и его сводное пехотное подразделение начальство оставило на высоте, к которой они вышли из окружения.

– Торопитесь, ребята, торопитесь, – подходя к своему экипажу, заговорил Соколов. – Немцы могут атаковать в любую минуту. Мы не знаем, какими они силами располагают, может, к ним подкрепление подошло.

– Да мы почти и закончили, товарищ младший лейтенант, – уверенно заявил командир башни Логунов, прихлопывая рыхлую землю на бруствере лопатой. – Сейчас только кустиков навтыкаем для маскировки да сухой травы набросаем, чтобы свежая земля не бросалась в глаза. Омаев! Зайди-ка спереди, следопыт, глянь, как мы со стороны смотримся.

Руслан молча выбрался из окопа и пошел вперед. Ни улыбки, ни ответа на обычную шутку. «Парень замкнулся, ушел в себя, – подумал Соколов. – Как он в бою себя поведет? Не сорвался бы по молодости лет».

Логунов тоже смотрел на Омаева оценивающе. Все-таки командир башни и командир танкового отделения, как называлась должность сержанта. Экипаж в его подчинении, он отвечает за всех перед взводным командиром. Да только во взводе у Соколова остался всего один танк. В другое время танкисты бы пошутили, что начальства больше, чем подчиненных. Но сегодня всем было не до шуток.

Пока группа была в тылу у немцев, думали о возвращении, и почему-то казалось, что вот вернутся – и все испытания останутся позади. А действительность напомнила о себе, война не окончилась. Хуже всего то, что Красная Армия, отбиваясь и контратакуя, откатывалась постепенно на восток. Сознавать, понимать это было страшно. Конца этому отступлению не было видно. И то, что вышедших из окружения бойцов и танк оставили на высоте в виде пополнения батальона, который ее удерживал, говорило о многом. Положение на фронтах довольно скверное.

Соколов присел возле механика-водителя Бабенко, который осматривал гусеницу, катки и амортизаторы подвески с левой стороны. Самый старший по возрасту в экипаже, Бабенко был человек уравновешенный, беззлобный. Инженер, в прошлом водитель-испытатель Харьковского завода, на котором производили танки Т-34, он любил технику, не мог и минуты просидеть без дела, чтобы не начать что-то проверять, регулировать, осматривать. Вот и сейчас, только бросив лопату, он опять что-то осматривал.

– Как дела, Семен Михайлович? – спросил Соколов.

– Дела наши не очень, товарищ младший лейтенант, – покачал Бабенко головой. – Далеко без ремонта нам не уехать. Смотрите, пальцы погнуты вот здесь и здесь. Траки слетят на первом же километре. Направляющие катки повреждены. У этого снаружи осколком снаряда нанесено повреждение, а вот эти плохо вращаются. Руку приложите. Чувствуете? Горячие еще. Если слетят, то без мастерской нам не починить. И один из амортизаторов потек. Не могу сказать точно, но, думаю, процентов на шестьдесят…

– Не ломайте голову, Семен Михайлович. – Соколов положил руку на плечо механика. – Для нас с вами сейчас важно только одно – чтобы танк стрелял. Остальное – дело десятое. Мы – бронированная неподвижная огневая точка. Некуда нам отсюда уходить. Выстоим – значит, отремонтируют нас. А если не выстоим… тогда и говорить не о чем.

– Так все плохо? – тихо спросил Бабенко.

– Эту высоту надо удержать. Хоть двое суток еще выстоять. Вот и вся задача.

Соколов не стал уточнять, что по истечении этих двух суток тем, кто останется жив, могут дать приказ отойти и соединиться со своей частью. Но учитывая, с каким упорством и ожесточением немцы пытаются взять высоту, тут через два дня никого из защитников не останется. А часть отойдет на восток на новые рубежи. И никто поврежденный танк отсюда, скорее всего, тащить на буксире в тыл не будет. Да и буксира никакого не будет. А экипаж обязан в соответствии с требованиями Боевого Устава танковых войск РККА защищать во время боя поврежденный танк, а после боя принять меры к его эвакуации. А если это невозможно, то уничтожить его, чтобы боевая машина не досталась врагу. Защищать позицию танкисты будут, но вот при отступлении по приказу командования им танк с собой не забрать. И придется «семерку» уничтожить. Бабенко этого еще не понимает. Нет в нем «военной косточки», а вот сибиряк Логунов со своим опытом Финской войны понимает. И тоже хмурится. Нет-нет да подойдет к танку, проведет рукой по броне. Заранее прощается с ним, как с живым.

Когда солнце село и на землю опустилась сырая ветреная ночь, экипаж устроился в восстановленном блиндаже при свете аккумуляторного фонаря с котелками. И танкисты, да и бойцы батальона Парамонова вот уже три дня не ели горячего. Сегодня вместе с патронами и гранатами машина привезла на высоту продукты питания. Под деревьям на обратном склоне высоты снова заработала полевая кухня, потянуло душистым дымком. Соколов спрыгнул в окоп, прошел по короткой траншее и откинул брезент у входа в блиндаж. Логунов подвинулся на сколоченной из тонких березовых стволов лежанке, давая место командиру.

– Вот, ребята, передайте командиру, – послышался из дальнего угла блиндажа заботливый голос Бабенко.

Механик размотал ватник, в который был завернут котелок Соколова, чтобы в нем не остыло содержимое. Алексей поблагодарил и накинулся на кашу с мясными консервами. Бабенко закурил. В низкой землянке запахло душистым табаком. Омаев поморщился, но промолчал. Логунов порылся в своем вещмешке, достал фляжку и налил в кружку водки. Соколов подумал, сомневаясь, пить или не пить. Но потом взял кружку в руки. Усталость давала о себе знать, нужно было снять напряжение и хотя бы немного поспать.

– Ну, ребята, – Алексей обвел взглядом свой экипаж, – давайте, чтобы нам всем остаться в живых.

Горячее потекло по жилам, распространяясь по всему телу, в голове чуть зашумело. Алексей ел, чувствуя, что он голоден как волк, глотал, почти не жуя, разваренную кашу. Танкисты молчали и смотрели, как ест командир. Смотрели по-разному. Омаев напряженно, ждал, какие будут приказы и когда ждать боя. Логунов с Бочкиным переглядывались и подмигивали друг другу. Сибирякам было легче всех, они земляки, знали друг друга до войны, почти родня. А вот Бабенко снизу смотрел на командира почти с отеческой нежностью, покуривая и щуря по-доброму глаза.

Выскоблив ложкой котелок дочиста, Алексей облизал ложку и только теперь понял, что экипаж не сводит с него выжидающих взглядов. Поставив пустой котелок на пол у входа, лейтенант блаженно откинулся спиной на стену и вытер пальцами губы. Да, что такое носовой платок, он уже и забыл.

– Ну что там начальство? – первым спросил Логунов на правах сержанта и командира отделения.

– Начальство ждет новых атак. У немцев нет иного выхода, кроме как постараться сбить нас отсюда и выйти к Рославлю, а там по шоссе прямиком на Москву. Обходить нас далеко, там укрепились другие части, закопались в землю. И нашим надо успеть отойти и закрепиться в районе Ельни. Я так понял, что дыр в нашей обороне для прорыва своими танковыми колоннами немцы нашли много. А у нас не хватает сил их вовремя латать.

– Значит, из нас здесь будут отбивную делать, – пыхнул дымом Бабенко. – Стоять так стоять. Только мне, как механику-водителю, лучше бы ехать.

– Позиция хорошая, – тоном знатока сказал Логунов. – Слева болото, справа овраги. Кроме как у подножия нашей высотки, нигде не проехать. А дальше чистое поле, есть где развернуться. Если немцы высоту возьмут, они будут держать под контролем очень большую территорию и две дороги. Одно слово, господствующая высота.

– С такими силами нам долго не продержаться, – серьезно сказал Бочкин. – Видел я сегодня позиции. Многое восстановили, но перепахано было снарядами и бомбами страшно. Вот попрут танки завтра, и чем мы их задержим? Кроме нашей «Семерки», тут только несколько пушек-сорокапяток да бронебойные ружья.

– Нет, Коля, ты не прав, – усмехнулся Соколов. – Ты просто не знаешь, что такое танк в укрытии, что такое закопанный танк. Мы можем стрелять прицельно на дистанции до полутора километров. Это чтобы наверняка. Можем и на большей дистанции, но лучше начинать выбивать немецкие танки на полутора километрах. И учти, что они нас не сразу увидят, учти, что им будет видна только башня. Да еще такая обтекаемая, как у нашей «тридцатьчетверки». Это орудие на позиции они могут подбить легко. Попал снаряд в орудийный «дворик», и все. Орудийный расчет погиб, орудие повреждено осколками. Панорама прицела, например, «откатник». А нас осколками не испугаешь, нас и не каждый снаряд возьмет, если даже прямое попадание будет. Вот и считай, сколько мы можем вреда принести немцам, какой урон!

– Ну это да, – согласился Бочкин. – Хорошо, что у нас не «БТ» какой-нибудь.

– Да, сюда бы два-три танка «КВ», – сказал Соколов. – Немцы бы вообще не прошли никогда. Я слышал, как рассказывали командиры-танкисты про случай в Литве.

Это было на второй день войны. Один танк «КВ» оказался на пути немецкой танковой дивизии в районе городка Расейняй[1 - Этот случай описывал в своих мемуарах генерал-полковник Эрхард Раус, который в июне 1941 года был полковником и командовал танковой группой в составе 6-й танковой дивизии 41-го танкового корпуса вермахта. Этому эпизоду он посвятил в мемуарах целых 12 страниц. Немцы похоронили экипаж, если верить Раусу, с воинскими почестями.]. Точнее, он оказался в тылу между наступающими передовыми частями дивизии и путями тылового снабжения. У ребят просто кончилось горючее, и они не смогли выйти из окружения. А немцы никак не могли обойти танк. Не было там на местности такой возможности. Они ничего с нашим «КВ» не могли поделать двое суток. А он ведь стоял на открытой местности. Правда, броня у него не то что у нас. Но все-таки он был один. Его обстреливали, к нему пытались подобраться саперы, чтобы подорвать, на него пытались выставить артиллерийскую батарею, мощную зенитную пушку, которая только и могла пробить его броню. Наши танкисты уничтожили колонну грузовиков, батарею, несколько танков. Но не это главное, а то, что в результате действий экипажа целая дивизия задержала наступление на двое суток и понесла потери на передовой из-за не вовремя подвезенных горючего и боеприпасов.

– Ну мы, конечно, не «КВ», – солидно поддержал командира Логунов. – Но и у нас есть подкалиберные бронебойные снаряды и в нас попасть не так просто. И мы не одни. Так что повоюем, хлопцы!

Танкисты промолчали. Наверное, каждый подумал о своем. А может, просто все так устали за этот день, что даже говорить не было сил. После такого трудного и опасного рейда по тылам снова оказаться на передовой, выкопать танковый окоп размером четыре на пять метров и глубиной чуть больше метра да еще с аппарелью спуска длиной два с половиной метра.

Алексей закрыл глаза. Напряжение спадало, и его мысли вернулись не к последним боям, не к картинам гибели танков его взвода. В памяти всплыли аллеи городского парка Куйбышева, засыпанные кленовыми и березовыми листьями. И он, торопливо бегущий по аллее, и девочка в берете и коротком синем пальто с букетом красных листьев в руке. Давно… еще до войны… Как будто десятки лет назад…

– Товарищ младший лейтенант, – кто-то сильно тряс Соколова за плечо, – товарищ младший лейтенант, немцы!

– Что? – Соколов сразу проснулся, как будто вынырнул из другого мира, из своих видений, и увидел перед собой Омаева.

– Звук моторов, много, – быстро заговорил радиотелеграфист-пулеметчик. – Приказ от комбата укрыться в щелях и ячейках. Перед атакой будет авиационный налет. Пришло сообщение с поста ВНОС[2 - Пост ВНОС – Пост воздушного наблюдения, оповещения и связи.] в полосе обороны дивизии. На нас идут бомбардировщики.

– Поднимай экипаж! – Соколов вскочил на ноги и стал застегивать ремни портупеи, поправляя на ремне кобуру с пистолетом.

Небо посветлело, рассвет был бледным, холодным, без обычных ярких красок. Небо за ночь почти очистилось от туч. По опушкам лесочка внизу со стороны позиций немцев полз туман. Танкисты побежали к своей «семерке». Нужно бы брезентом накрыть люки, надеть брезентовый чехол на орудие, чтобы земля от разрывов бомб не попала внутрь. Соколов сам стал проверять крепление маскировочной сети, натянутой над танком. Легкий мандраж то ли от застывшей

во время сна спины, то ли от волнения перед налетом мешал, пальцы не слушались, но Алексей упорно проверял узлы, стараясь думать только о деле, только о соответствующих пунктах Боевого Устава. Дурацкое состояние, оно уже было знакомо лейтенанту. Во время боя, когда ты идешь на вражеские танки, на позиции, на артиллерийские батареи, то все зависит от тебя, от твоего экипажа. Ты выбираешь путь, по которому поведешь танк, путь, на котором танк наименее виден противнику, когда сокращается время прицеливания и враг ведет в основном неприцельный огонь по твоей машине, когда ты маневрируешь, выходишь из зоны сплошного огня, сам стреляешь, выбирая цели и поражая их огнем пушки и пулеметов. Но когда тебя молотят тяжелые орудия с закрытых позиций или когда на тебя валят и валят с неба бомбы немецкие бомбардировщики, с воем входят в пикирование, то чувство беспомощности возрастает. Ты ничего не можешь сделать. Во время танкового боя ты можешь свести влияние случайности к минимуму, во время авиационного налета все зависит только от случайности. Все!

– Всем в укрытие! – крикнул Соколов, глядя в небо.

Один, два, три, четыре, шесть, двенадцать… Бомбардировщики, с хорошо заметными в светлеющем небе неубирающимися шасси, разворачивались где-то над рекой, вытягивались в одну линию и вставали в круг. Сейчас начнется, подумал Соколов, натягивая на голову шлемофон. Слабенькая защита, но хоть от земли и камней немного спасет голову.

Вот первый самолет свалился на крыло и круто пошел вниз. Пилоты включили сирены, и воздух наполнился тошнотворными вибрирующими звуками, действующими на психику еще больше, чем осознание падающих тебе на голову бомб.

Алексей стиснул зубы, которые начали ныть от протяжного тоскливого воя сирен пикировщиков, и присел у края окопа, не заходя в блиндаж. Лейтенант смотрел, как от самолета отделились две точки, и он стал выходить из пикирования, постепенно набирая высоту. Второй самолет пошел вниз, завалившись на крыло, и снова завыли сирены. Где-то в районе командного пункта батальона в воздух взлетела черная земля. Под ногами вздрогнуло так, как будто сама земля ударила Соколова снизу под пятки. Он машинально ухватился за край бруствера.

Казалось, что бомбы падали прямо на него. Алексей втянул голову в плечи и прикрыл глаза. Снова удар по ногам. С бруствера сыпался песок, и Соколов

подумал, что еще полчаса, и их танковый окоп засыплет полностью. Следующий взрыв – черный фонтан взлетел вверх, и вместе с ним взлетел Соколов. На миг Алексей потерял ориентацию, в глазах потемнело. Он ударился спиной и на миг потерял сознание. Дыхание перехватило, горло забило пылью, кислой вонью от сгоревшей взрывчатки. Он повернулся на живот, не чувствуя ног, и стал кашлять и отхаркиваться. Лейтенанту даже показалось, что авианалет закончился и взрывы прекратились. Но нет, танковый окоп вздрагивал под ним, ходил ходуном, как живой. Оглушенный Алексей почти ничего не слышал, он только ощущал всеми своим внутренностями взрывы.

Встав на колени, Соколов снова попытался подняться на ноги и посмотреть, что делается на позициях батальона. Картина перед ним предстала страшная. Взрыв за взрывом вздымались чуть ли не в окопах. Тонны земли взлетали вверх и снова падали вниз, заживо хороня бойцов. Еще немного, и ничего не останется не только от обороны, но и от самой высоты. Соколову казалось, что и высота уже стала ниже, что ее бомбами расплескали, разбросали по всей округе вместе с телами красноармейцев. И сейчас попрут танки и пехота, а здесь их будет ждать только перепаханное поле с торчащими из земли изуродованными телами, отдельными конечностями, обломками винтовок и пулеметов. Расщепленные бревна от развороченных взрывами дзотов и блиндажей будут валяться и на высоте, и за ней, и перед ней по всему полю, до самого леса. Алексей зажал голову руками и опустился на дно окопа. Безумие, безумие, безумие… Когда это все кончится?..

Лейтенант почти ничего не слышал. Он сидел у стенки окопа, покачиваясь из стороны в сторону и зажимая голову руками. Осознание, что земля успокоилась под ним, пришло неожиданно. Тревожное осознание, как предчувствие чего-то еще более страшного. Он опустил руки, с удивлением увидел, что взрывами его танк не засыпало по самую башню, как он опасался. «Семерка» стояла, гордо выставив ствол пушки вперед. Маскировочная сеть только в некоторых местах провисала из-за нападавшей на нее земли. Алексей вскочил на дрожавших еще ногах и посмотрел в поле и на лес далеко внизу.

Они уже шли. Обтекая лесок с двух сторон, танки выходили в поле, минуя небольшой овражек. Они разворачивались в линию для атаки. «Десять, шестнадцать… нет, восемнадцать танков. А вот следом стали выползать полугусеничные бронетранспортеры. Десять… – Соколов вспомнил про бинокль, достал его из чехла на груди и поднес к глазам, – пятнадцать, двадцать два». А следом появились грузовики. Большие, трехосные. В кузове каждого, как грибы,

глубокие немецкие каски. Как много их.

– К бою, экипаж, – хотел крикнуть Алексей, но в горле от пыли и гари так першило, что смог выдавить только несколько хриплых звуков.

Из блиндажа высунулось лицо Логунова. Сержант посмотрел на командира, увидел, как тот машет рукой, все понял и крикнул экипажу:

– К бою! Занять позиции! Бочкин, в башню! – Логунов встал рядом с лейтенантом и стал смотреть в поле. – Мать честная! Как же мы их остановим?

– Остановим, – откашливаясь и сплевывая, сказал Алексей. – Давайте, Василий Иванович, дальше восьмисот метров не стрелять. Не выдавайте позиции. Только на постоянном прицеле. Я буду давать цели. Откройте люк механика.

– Есть, – коротко вскинул сержант руку к шлемофону и полез на башню.

Соколов отодвинул брезент и заглянул в блиндаж. Омаев, прижимая приклад танкового пулемета, чуть поворачивал ствол, наводя его то на одну цель, то на другую. На лежанке возле его правого бедра на брезенте были сложены два с небольшим десятка пулеметных дисков. Механик-водитель Бабенко вопросительно посмотрел на командира.

– Руслан, прицел на 400 метров. Твоя задача – отсекать пехоту от танков. Не стреляй длинными очередями.

– Так точно, – не поворачивая головы, ответил Омаев и продолжил водить стволом пулемета.

– Семен Михайлович, вы свою задачу помните? – спросил Алексей механика-водителя.

– Да, конечно, – снова совсем не по-военному ответил Бабенко и чуть ободряюще улыбнулся командиру. – Помогать пулеметчику, вовремя подносить диски из танка. Вовремя набивать новые, если немцы продолжат атаковать. Да вы не переживайте за нас, Алексей Иванович. Мы справимся с Русланом.

Соколов постоял немного, потом кивнул и вышел в окоп. Немцы все разворачивались. Танки еще не начали стрелять. Сейчас они шли в два ряда, за ними на расстоянии метров сто в два ряда вытягивались бронетранспортеры. «Как близко идут», обратил внимание лейтенант. Раньше немцы держали расстояние поддержки между танками и бронетранспортерами в 200 метров. Видимо, война заставила их пересмотреть свои боевые уставы. Знают, что русские не побегут, когда танки будут возле самых окопов, а начнут поджигать танки гранатами, бутылками с бензином. И значит, немцы пехоту перед самыми окопами пустят вперед. Выбивать охотников за танками.

Соколов подошел к люку механика-водителя, дотянулся до кабеля ТПУ и подключил к разъему шлемофона. Теперь он мог руководить боем. Подняв бинокль, Алексей снова стал смотреть на поле. Грузовики еще шли за бронетранспортерами, но скоро они высадят пехоту и повернут назад к лесу. Восемнадцать танков и примерно два батальона пехоты. Дистанция около километра. Еще вчера Соколов с помощью дальномера наметил ориентиры и расстояние до них. Зная высоту танка и высоту бронетранспортера, легко определить расстояние до них. А их с прошлых атак стоит здесь немало. От устья овражка – километр. Вон от той отдельно стоящей сосны с обгоревшим боком – восемьсот метров. Но лучше выждать несколько секунд.

– Бронебойным, – приказал Соколов через ТПУ, услышав, как Логунов продублировал его приказ заряжающему.

«Так, с правого фланга работают свои противотанковые средства, а здесь моя тактика, – думал Соколов машинально. – Если удастся подбить два танка в секторе «ноль – влево 20 градусов», тогда немецкая техника будет обходить этот затор. Они будут поворачиваться боком, объезжать. «Сорокапятки» их будут бить в борт. Но пушки возьмут немецкие танки и в лоб, а вот противотанковым ружьям нужно расстояние раза в два меньше. Эх, побольше бы их![3 - Испытания первых систем ПТР (противотанковых ружей) проходили в СССР еще в 1936–1938 годах, а массовое производство утвержденных образцов началось только в сентябре 1941 года. Но первые образцы ПТР, в основном тульского производства, попадали на фронт уже в июле 1941 года. По некоторым оценкам, до 1000 образцов (в основном опытных).] Ведь эффективное же оружие.

Нет, рано устраивать затор, на 400 метрах займемся этим. Немцы нас раскусят и будут обходить с двух сторон. Вот сейчас все, достаточно».

– Логунов, ориентир два, два танка противника. Бронебойным. Огонь по готовности.

Алексей смотрел в бинокль. По наступающим немцам начали бить пушки с высоты. Много, однако, пушек осталось после налета авиации. Есть, попали! Один из танков передней линии вдруг резко развернулся на месте, разматывая по траве гусеницу. Тут в мотор танку угодил второй снаряд, и корма вспыхнула. Танкисты стали быстро покидать машину. Остановившийся танк стали объезжать другие, и вся армада продолжала медленно двигаться на высоту.

Теперь немцы открыли огонь. То один, то другой танк останавливался, стрелял и снова начинал движение. Взрыв выбросил землю перед самыми окопами. Еще выстрел, еще. Снова рвались снаряды среди окопов пехотинцев на высоте. Вот еще один танк замер на месте. Снизу потянуло дымом. И тут «тридцатьчетверка» над головой лейтенанта наконец выстрелила. Трассер понесся к немецкому танку, вспыхнула яркая звездочка на лобовой броне, тут же превратилась в пучок серого дыма. Немецкая машина замерла на месте.

«Молодец», – мысленно похвалил Соколов и снова стал ждать. «Семерка» выстрелила второй раз, еще один танк остановился, потом двинулся, пошел рывками и снова остановился. Теперь следовавшим за подбитыми машинами танкам и бронетранспортерам придется обходить их справа. Вот резко развернулся один танк второй линии. Еще один, еще, повернули два бронетранспортера. Танки пошли быстрее, выбрасывая сзади клубы черного дыма. Они очень спешили обойти своих товарищей и снова развернуться к высоте лобовой броней.

– Логунов, огонь по повернувшимся танкам!

– Понял, командир! – догадался о затее лейтенанта командир башни.

Выстрел, снова выстрел. Сзади через люк вылетали и со звоном падали на землю гильза за гильзой. Вот еще один танк загорелся, увеличивая затор на левом фланге наступающих фашистов. Но теперь и немцы стали бить по закопанному русскому танку. Из стрелковых ячеек хлестали винтовочные выстрелы, заработали ручные и станковые пулеметы. Немецкая пехота стала жаться к танкам и бронетранспортерам. Стали падать первые убитые и раненые. «Живет ведь высота», – радостно подумал Соколов. Казалось, что после бомб здесь

вообще ничего живого не осталось, а ведь стреляют, и хорошо стреляют.

Справа, через бойницу в блиндаже, короткими расчетливыми очередями бил пулемет Омаева. Он выбирал цели, находил между танками фигуры солдат, которые слишком напористо шли вперед, и выбивал их. Главное, заставить их залечь, не дать идти за танками. Тогда и танки остановятся. Танки одни на траншеи не пойдут. Они уже научены горьким опытом. У некоторых немецких офицеров есть опыт гражданской войны в Испании, там республиканцы очень активно использовали бутылки с бензином против немецкой техники. И танкисты хорошо знают, что разбившаяся и воспламенившаяся на моторном отсеке бутылка с бензином неизбежно приведет к пожару в двигателе, который не потушить. Следом, как правило, взрывается боекомплект.

Немецкие танки сбавили ход, стали активнее стрелять по окопам на высоте, с бронетранспортеров не переставая били пулеметы. Вот немецкая пехота попыталась подняться, но снова залегла. Среди танков то и дело вздымались взрывы осколочных снарядов, горели уже три бронетранспортера. Вот еще два немецких танка загорелись. Но стоять на месте – это самоубийство! И вот случилось: танки попятились, они пошли задом. Назад, назад. Пехота поднялась и, прикрываясь броней, стала отступать к лесу. На ходу солдаты стали запрыгивать через задние люки в бронетранспортеры. Падали и падали под выстрелами трехлинеек и пулеметов. Танковые пушки неуверенно огрызались. По линии обороны пронесся приказ прекратить огонь.

– Прекратить огонь, Логунов, – повторил приказ своим танкистам Соколов.

«Все правильно, – подумал он. – Патроны и снаряды надо беречь. Атака отбита, и нет смысла в том, чтобы именно сейчас убить еще пару десятков немцев. Их надо будет убивать потом, когда они снова полезут. Убивать, чтобы остановить, чтобы атака захлебнулась. Следующего подвоза боеприпасов на высоту может уже и не быть».

Танки прикрывали броней пехоту, пехота спешно садилась в бронетранспортеры и грузовики. Еще двадцать минут, и остатки атакующей группы ушли за лес. В верхнем люке танка появилось потное лицо Логунова.

– Хорошо мы им дали, – сказал он, сплюнув далеко в сторону. – А хитро вы придумали. Я эту яму сначала и не углядел. Как мы их заперли, как заставили

обходить своих! Тут они у нас и напоролись на подкалиберные.

– А все-таки в нас попали, – Алексей поднял руку и показал на правый бок башни. – Я за этим грохотом не услышал удара. Вскользь прошла болванка, вон какую дорожку оставила.

– Зато мы здесь почувствовали, – без усмешки ответил сержант. – Думал, что конец нам с Николаем. Обидно даже как-то стало, самое начало боя и так вот… Ну да обошлось.

Соколов вошел в блиндаж. Омаев стоял у амбразуры, положив щеку на приклад пулемета, и задумчиво смотрел в поле, где лежали убитые им немцы. Над стволом струился раскаленный воздух. Бабенко поднял глаза на лейтенанта, улыбнулся и продолжил набивать пустые магазины патронами из вещмешка.

– Эй, танкисты, – закричали снаружи, – где ваш лейтенант? Срочно на КП к комбату!

Соколов вышел, бросил наверх Логунову свой шлемофон и поймал брошенную им пилотку.

– Остаетесь за меня, – приказал Алексей, – осмотрите машину. Установите наблюдение. Сетку подтянуть, а то могут снова налететь самолеты. Я пошел.

Проходя по второй линии окопов, лейтенант понял, что все не так радужно, как ему казалось. Понятно, почему по немецкой пехоте не стреляла батарея 50-мм ротных минометов. Две бомбы накрыли огневые точки минометчиков. Несколько солдат выкапывали убитых, заваленных землей после взрыва. Накрытые плащ-палаткой, лежали окровавленные, черные от налипшей к крови земли фрагменты тел. Повсюду валялись осколки ящиков от мин, искореженные минометные сошки. Из груды земли торчала минометная плита, чуть дальше – окровавленная пилотка, разбитая и разломленная надвое винтовка.

Окопам первой линии досталось тоже, это Алексей видел хорошо. Он помнил, в каком порядке были окопы до бомбежки. Сейчас от траншей и ходов сообщения практически ничего не осталось. Только отдельные стрелковые ячейки и пулеметные гнезда. Артиллеристы с лопатами спешно поправляли брустверы орудийных двориков своих «сорокапяток». Одно орудие торчало из воронки

покореженной станиной. Ясно, значит, осталось только три пушки.

– Раненных вон туда, в блиндаж! – распоряжался политрук в порванной гимнастерке с рукой на перевязи. Голос у него был хриплый, он все время грязной тыльной стороны руки вытирал лоб. – Санинструктор уже там. Быстрее, ребята, быстрее. Убитых в воронку.

Подойдя к блиндажу командного пункта батальона, Соколов увидел, что комбату сегодня очень повезло. Три бомбы упали всего в нескольких метрах от его укрытия. Бревна покосились, один край крыши блиндажа съехал, в щель с бревен сыпалась земля.

Сам Парамонов сидел на стуле, ординарец перебинтовывал ему голову свежим бинтом. Майор морщился, но говорил со своими командирами. Соколов доложил о прибытии и остановился за спинами других. Из четверых командиров на КП пришли трое. Значит, еще кто-то из офицеров погиб.

– Ну, все в сборе, – сказал Парамонов, потом поторопил своего ординарца: – Да заканчивай уже, Лемехов, что ты меня как дитя пеленаешь. Фуражку не смогу надеть.

– А вы каску наденьте, – проворчал солдат, закрепляя бинт.

– Ну вот, – майор встал, потрогал голову и повторил: – Все в сборе. Эта атака и предшествующий ей авиационный налет нанесли нашей обороне сильный урон. На правом фланге разбито четыре пулемета, полностью уничтожена минометная батарея, погибла одна пушка у артиллеристов. В центре обороны самые большие потери в людях. Треть стрелковых ячеек уничтожены, много раненых. На левом фланге… Что у тебя там, танкист?

Все присутствующие повернули головы к Соколову. Лейтенант откашлялся. Докладывать ему было нечего, потому что он не удосужился получить доклад у сержанта, который командовал пехотой прикрытия в первой линии обороны. А должен был это сделать первым делом.

– Потери небольшие, – сказал он. – Сейчас готовятся сведения, я доложу вам через пятнадцать минут. Я просто не успел. Мне передали приказ срочно явиться. Танк получил незначительные повреждения, но полностью исправен и

готов к бою. В экипаже потерь нет.

– Не успел, – проворчал майор. – Надо успевать. А то получается, что я тебе воевать мешаю своими вызовами. У тебя там свои планы, а у меня – свои.

Через бинты на голове майора проступала кровь, и Соколов понял, что злость комбата – не от его характера, а от боли и осознания, что батальон несет слишком большие потери. Что указанный срок им не продержаться на высоте.

– Дрались все хорошо, – заговорил снова майор. – Удалось подбить несколько машин, что охладило пыл немцев. Самое главное, удалось отсечь пехоту. Пехота залегла, а без нее немецкие танки очень неохотно идут на наши позиции. Научила их война кое-чему. Отдельная благодарность танкисту. Видел, Соколов, твою задумку с затором возле овражка. Хотел ругать, что долго огня не открываешь, а когда увидел, как ты их заставил бортами к нам поворачиваться, одобрил. Молодец, тактически мыслишь, младший лейтенант.

Потери пехоты в окопах перед танком были все же заметными. Выйдя с КП батальона, Соколов первым делом прошел к пехотинцам. Пятеро убитых, восемь раненых, из них четверо тяжело. Легкораненые отказались уходить с позиций. Два пулемета были разбиты. Часть окопов и ходов сообщения завалены землей. Сил на расчистку и восстановление уже не было. Бойцы поправляли свои стрелковые и пулеметные ячейки. Наблюдатели с напряжением смотрели вперед, не покажутся ли снова немецкие танки, не послышится ли гул подлетавших бомбардировщиков.

Вернувшись к своим танкистам, Алексей выслушал доклад Логунова и замер, облокотившись грудью на стенку окопа. Он смотрел на лес, на подбитые сегодня, вчера и несколько дней назад немецкие танки и бронетранспортеры. Силы обороны тают. Пока приходила помощь, они пополнялись, а теперь, как намекнул Парамонов, помощи больше не будет. Еще сутки с небольшим надо продержаться. Но следующий же авианалет может оказаться вообще последним. Или следующая атака.

– Товарищ младший лейтенант, давайте покушаем? – раздался за спиной голос Бабенко. – Уже и обед. Немцев не слышно. Пока тихо, надо бы подкрепиться. Ребята чайку вскипятили на костре. Консервы достали. Я слышал, что кухню нашу тоже разбомбили.

– Да, полевой кухни у нас больше нет, – повернувшись к механику, сказал Соколов. – На КП сейчас решают, как распределить по подразделения оставшиеся продукты. Придется растягивать, экономить.

– На сутки как-нибудь растянем, – без улыбки сказал Бабенко.

Танкисты уселись прямо под открытым небом с котелками и консервами. Бабенко распоряжался, где постелить полотенце, чтобы не класть хлеб на землю, каким ножом открывать консервы. Логунов смотрел на механика и чему-то улыбался.

– Слышь, Михалыч, – наконец спросил сержант, когда экипаж расселся на пустых ящиках от снарядов и принялся уминать консервы, – а у тебя дети есть?

К большому изумлению Соколова, Бабенко не сразу ответил. Семен Михайлович замер с ложкой в руке, подумал, потом очень просто ответил, ни на кого не глядя:

– Есть. Наверное.

– Как это «наверное»? – поперхнулся кашей Бочкин. – Ты что же это? Когда это самое, то…

– Тихо ты, – чуть слышно сказал Логунов и толкнул локтем Николая. Он снова посмотрел на механика-водителя и спросил: – А тебе лет-то сколько, Михалыч?

– Мне? – Бабенко, глядя в котелок, старательно скреб ложкой по стенкам, собирая остатки каши. – Мне уже сорок один.

– Ух ты! – восхитился Бочкин, которому никак не молчалось. – Так ты у нас ровесник века. С тысяча девятисотого года!

Соколов смотрел на свой экипаж, слушал, как они болтают, и чувствовал, что в каждом еще осталось напряжение прошедшего боя. Опытный Логунов расчетливо бил немецкие танки, для него во время боя не существует ничего. Даже удар немецкой болванки вскользь по башне он воспринял коротко: конец или еще нет? И снова стрелял, уже забыв о попадании. И вспомнил только тогда,

когда ему об этом сказал командир. Для него во время боя даже Коля Бочкин, который был почти как сын, потому что он собирался перед войной жениться на его матери, во время боя был частью механизма для уничтожения фашистов. Он мог прикрикнуть на него, даже отвесить тумака. Хотя здесь, на войне, Николай был горячим напоминанием о его невесте. Логунов даже как-то сказал, что сын очень похож на мать.

А Николай сейчас веселый. Бой кончился, все обошлось, и снова солнце, рядом свои мужики, с которыми не пропадешь. Молодость – она не знает страха, потому что в молодости никогда не верится, что ты можешь умереть. А руки немного подрагивают. Но это, скорее всего, просто от напряжения. Вытащить из укладки снаряд, загнать в казенник, выбросить гильзу. У заряжающего во время боя больше всего движений в танке.

Хотя нет, у механика-водителя нагрузка во сто крат больше. Тугие рычаги, передвинуть каждый иногда можно только двумя руками. Сколько раз Логунов, спустившись к Бабенко, в критические минуту помогал ему переключать скорости. Да, с механиком-водителем им повезло. И машину знает отлично, потому что по образованию инженер, и опыт вождения и испытания танков в сложных условиях у него большой. Если честно, то именно Бабенко много раз спасал экипаж и саму машину от смерти. А так смотришь на него: добродушный улыбчивый дядька. И с большим уважением относится к своему молодому командиру. Заботится о нем, хотя это уже становится заметным для других членов экипажа. И Соколов всячески старается избегать таких проявлений заботы.

– Да, – Бабенко вздохнул и отставил в сторону пустой котелок. Он зачерпнул кружкой из второго котелка горячего чаю и стал смотреть куда-то выше бруствера. – Ровесник века. Я на Гражданскую попал прямо из технического училища. Много нас тогда таких было, в форменных фуражках с ученической эмблемой. Кто к белым уходил, что греха таить, и такие были. А мы у красных. Знаете, даже форс какой-то у нас был. Не снимали эмблем училища с фуражек. Ни мы, ни те, кто к белым пошел. Кто-то офицерскую кокарду вставлял, конечно, но большинство – нет. Как-то старались показать, что и мы боремся за свое будущее, честь училища бережем. Да только по-разному берегли, разного хотели.

Все с удивлением слушали рассказ механика-водителя, изумляясь что этот добродушный дядька, оказывается, воевал четыре года в Гражданскую войну. И

в пехоте воевал, и в саперных частях. И ранен был два раза. И с санитаркой в госпитале познакомился. Полюбили они друг друга, да только хотели конца войны дождаться, чтобы пожениться как положено. А перед самой выпиской она сказала Сенечке, что ребенок у нее от него будет. Только не успели они отношения оформить. Разбросало их снова. Пытался найти ее Бабенко, но не смог. Так и не женился до сих пор. И так странно при этом посмотрел Бабенко на командира, что Соколов подумал, не сына ли он напоминает Семену Михайловичу. Может, он так похож на ту девушку из госпиталя, что именно таким Бабенко своего, теперь уже взрослого сына, и представляет?

Молчавший во время разговора Омаев поднялся, отошел к краю окопа и снова стал смотреть в поле на подбитые танки, на трупы немецких солдат.

– Жалко парня, – кивнул на чеченца Бабенко. – Он ведь не просто воюет теперь, он мстит за свою Люду. Не сгорел бы сердцем.

Коля Бочкин поднялся, подошел к Омаеву и встал рядом. Они стояли молча, потом о чем-то стали разговаривать. Тихо, не слышно для других. Логунов покосился на друзей и шепнул:

– Есть у Николая девушка дома. Недавно сам признался. Ни мать, ни я не знали. А оказалось, есть.

Глава 2

Вторая атака тоже была отбита. Еще восемь танков и шесть бронетранспортеров задымили на поле перед высотой. Сумерки накрыли поле и отступивших в очередной раз немцев. Со стороны КП батальона то и дело стали взлетать осветительные ракеты. Не исключено, что немцы могут предпринять и ночную попытку овладеть высотой. Но ночь прошла спокойно. Высланные вперед дозоры боевого охранения тревоги не поднимали.

Блиндаж на второй линии обороны пополнился ранеными. Тела убитых относили назад, складывали в авиационные воронки. Железный ящик на столе у комбата наполнялся солдатскими книжками. В последнем бою погиб и старший политрук

Васильев. В последнюю минуту он заменил убитого пулеметчика на фланге, когда рядом с пулеметной ячейкой уже не было живых бойцов. Под огнем врага он сумел добежать до пулемета и полчаса расстреливал подошедших близко к окопам немцев. И когда враг уже отступал, снаряд угодил точно в окоп. Изуродованный пулемет и тело мужественного политрука откопали бойцы.

Соколов собрал экипаж в блиндаже, когда стемнело. При свете масляной коптилки, которую соорудил Бабенко из использованной гильзы от снаряда, он смотрел в лица своих танкистов.

– У нас осталось мало снарядов, товарищи. Танк без боезапаса – уже не танк. На нем даже на таран не пойдешь, чтобы последним ударом брони уничтожить хоть еще один вражеский танк. У нас повреждена гусеница. Поэтому приказываю…

Лейтенант обвел взглядом танкистов. По глазам он понял, что все догадались о чем сейчас заговорит командир. Трудно решение, но неизбежное. Боевая машина не должна попасть в руки врага. Оружие должно или сражаться, убивать врага, или быть уничтожено.

– Последний снаряд должен быть выпущен во врага, последняя граната брошена в него. Последний, кто останется в живых, должен уничтожить «семерку», – Соколов поставил на стол бутылку с бензином. – Нужно только поджечь паклю на горлышке бутылки и разбить ее на воздухозаборнике двигателя. Все! Я хочу, чтобы все об этом помнили, товарищи.

– Даже если мы устоим до вечера и получим приказ отступить, – тихо сказал Бабенко, – «семерка» не сможет уйти.

– Мы обязаны это сделать, – так же тихо напомнил лейтенант и вышел из блиндажа.

На душе у него было муторно. Потери, потери. Продержаться еще день, может, они и выживут, но танк придется уничтожить. Да, им дадут другой, и они снова будут сражаться и бить врага, но «семерка»… Она стала им родной. С ней столько пройдено, на ней знаком каждый сварной шов, каждая царапина.

В блиндаже были слышны голоса. Алексей прислушался.

– А это лучше? – горячился Омаев. – Да и я к нему отношусь как к товарищу, как к боевому товарищу, который нам, может, не раз жизнь спасал. А лучше, если оставить боевого товарища врагу? Бросить его лучше? Чтобы его враг взял в плен живым.

– А ты смог бы добить раненого товарища? – тихо и веско спросил Логунов и после продолжительного молчания добавил: – Не надо, ребята, об этом думать и душу рвать. Иначе свихнетесь раньше времени. Это железо! Любить и ухаживать можно, содержать в порядке можно и нужно. Помнить и чтить память можно, но относиться как к человеку к танку, автомату, старым сапогам не надо. Я вам говорю как солдат, уже прошедший одну войну. Слишком большая тяжесть на душе копится. Не вынести ее. Знаете, для чего в армии уставы придуманы? Чтобы в трудную минуту человек ни о чем не думал, не ломал голову и сердце себе не рвал. А просто выполнял, то, что предписано. А когда придет время, сядем вместе вот так, как сейчас, и помянем «семерку», кружки поднимем за славного друга. Вот так и никак иначе!

– А сам-то ты так можешь? – спросил вдруг Бочкин.

Сержант не ответил, он поднялся и вышел из блиндажа в ночь. Подойдя к Соколову, он постоял за его спиной, потом спросил тихо, чтобы не услышал экипаж:

– Плохи наши дела, лейтенант? Совсем?

– Даже хуже, – так же тихо, не поворачиваясь, ответил Алексей.

Соколов открыл глаза. Как будто и не спал. Было еще темно, только над горизонтом угадывались светлые участки неба. Лейтенант смотрел в амбразуру блиндажа и не мог понять, что его разбудило. Но потом он снова услышал дробный гул откуда-то с запада. А потом еще. Где-то в нескольких километрах западнее били тяжелые орудия. Залп за залпом. Но когда в воздухе стал нарастать свистящий вибрирующий звук, он понял, что по высоте открыли огонь с закрытых позиций немецкие батареи.

– Экипаж, подъем! – закричал Алексей, хватая с гвоздя портупею с кобурой. – Тревога!

Танкисты вскакивали, хватали ремни и автоматы. Алексей кинулся к амбразуре и стал ждать. Все ближе, ближе. Вот сейчас… Логунов сразу догадался, что происходит, и велел всем лечь на пол.

– 170 миллиметров, не меньше, – успел сказать сержант, и в этот миг на высоту обрушились первые снаряды.

Земля вздрогнула, на голову с перекрытия блиндажа посыпалась земля. Взрывы проходили по окопам валами, не успели разлететься и рассеяться в воздухе клубы первых взрывов, как на несколько метров ближе землю раздирали огнем новые снаряды, потом еще ближе, еще… Казалось, что разрывы идут на тебя сплошной стеной. Еще ближе, еще!.. Прямо перед амбразурой блиндажа на землю упал ствол трехлинейки с примкнутым штыком. Стальной обломок был согнут чудовищной силой.

Алексей опустился на пол. Блиндаж шатался и скрипел бревнами, от близких разрывов усидеть на полу было невозможно, и Соколов лег вместе с остальными. Земляной утоптанный пол вздрагивал, подбрасывая лежащих на нем людей. Пыль лезла в нос, рот и глаза. Казалось, устоять перед этим ураганом невозможно. От страшной вибрации будут разваливаться блиндажи, осыпаться окопы. А разрывы все проходили и проходили волнами. Десятки разрывов за короткий промежуток времени перепахали все вокруг.

Счет времени потерялся абсолютно. Алексею начинало казаться, что они сидят в блиндаже уже несколько часов. Что весь мир вообще перестал существовать, а остался только их вздрагивающий блиндаж и шатающаяся земля под ногами. Вспышки разрывов били в амбразуру вместе с рыхлой землей, периодически на бревна перекрытия сверху что-то падало, иногда очень тяжелое.

– Дядь Вась, – где-то рядом простонал голос Бочкина, – я больше не могу. Стошнит…

– Нормально, Коля, нормально, – потонул в грохоте новой волны разрывов голос сержанта.

И снова плясала под животами лежащих людей земля, снова поднимались клубы пыли, снова шатались и скрипели бревна блиндажа и на голову сыпалась земля.

Соколов не открывал глаза. Он пытался думать о чем-то отвлеченном, вспоминать родной Куйбышев, деревню своей бабушки, где прошло его детство. Но думать не получалось. Мозг зачем-то считал разрывы, он как будто цеплялся за действительность вокруг блиндажа, не хотел отрываться от нее.

«Сто двадцать восемь, сто тридцать… сто шестьдесят, сто восемьдесят два», – Алексей даже не смог бы объяснить, что он считает. Разрывы отдельных снарядов или разрывы общих залпов немецкой батареи, которые обрушивались на высоту. Он просто считал и тем занимал себя, не позволяя овладеть собой панике, животному страху. Пока мозг считает, он, человек, еще владеет разумом, еще ведет высокоорганизованное существование, не уподобляется червяку или лягушке. А когда перестанешь считать, то все, ты – мокрое место. Почему так казалось Соколову, он не понимал, да и не думал. Мозгу виднее, что надо делать, чтобы человек не впал в безумие.

Вдруг стало отчетливо слышно, как на настил блиндажа со стуком падают комья земли, какие-то обломки, несколько раз мелькнуло солнце, стал рассеиваться дым и облака поднятой взрывами пыли. Только теперь танкисты поняли, что обстрел прекратился. Прекратился, снаряды больше не падают, нет взрывов, и они все еще живы. Стали подниматься на ноги, держась друг за друга, откашливаясь и сплевывая густую слюну. Соколов вышел из блиндажа, шатаясь как пьяный, нечаянно сорвал с гвоздя брезент, заменявший дверь. Тряся головой и усиленно моргая, чтобы избавиться от тумана в глазах, он подошел к передней стенке окопа.

Увиденное повергло его в шок. Из-за леса уже выходили танки, много танков. Больше двадцати. Следом тащились бронетранспортеры, грузовики с пехотой. Их было тоже очень много, или это ему казалось так после обстрела. Нет, их действительно много.

– К бою, – хотел крикнуть Алексей, но из горла вырвался только хрип, и он снова зашелся в удушливом кашле.

Рядом уже командовал Логунов, застучали по броне сапоги сержанта и заряжающего. Что-то кричал в блиндаже Омаев, лязгая затвором пулемета. Соколов прошел мимо танка, поднялся по аппарели из окопа и встал в полный рост, приложив к глазам бинокль. Все правильно. Атакующая волна противника шла практически следом за волной разрывов. Еще бы пару минут выдержали немецкие командиры, и танки вообще подошли бы к подножию высоты

незамеченными.

Лейтенант опустил бинокль и стал осматривать позиции батальона. Да, смысла немцам идти точно вслед за взрывами своих снарядов не было. От обороны не осталось почти ничего. Немцы устали ждать, у них срывалось наступление, срывались планы из-за этой упрямой высоты, которая вот уже столько дней никак не хотела сдаваться. Из-за этого упрямого русского батальона, который вот уже несколько дней не хотел умирать. Не помогли и дважды вызванные немецким командиром бомбардировщики. Высота продолжала держаться и стрелять. Немецкая дивизия несла потери. И тогда к высоте подтянули 170-мм гаубицы. С закрытых позиций батарея или две батареи перепахали всю высоту.

Алексей без ужаса, а уже как-то обреченно смотрел туда, где еще вчера были окопы, были ходы сообщений между линиями обороны, между блиндажами. Блиндажей не было, остались только расщепленные обломки бревен, повсюду валялся металл. Детали 45-мм пушек, минометов, ручные и станковые пулеметы, разбитые винтовки. Кое-где еще поднимались люди, земля шевелилась в тех местах, где заваленные, похороненные заживо еще пытались выбраться на воздух. Там, где располагался командный пункт батальона, что-то горело, сильно чадя. Да и их танковый окоп оказался сильно обвалившимся, наполовину засыпаны гусеницы, куда-то улетела маскировочная сетка.

Алексей посмотрел на наручные часы, но они безнадежно остановились. На них было еще пять утра. Солнце стояло над лесом. Значит, артподготовка длилась не меньше двух часов.

«А мы их сильно разозлили, – хмуро подумал Соколов. – И мы им еще покажем, что живы и что так просто им здесь не пройти. Сволочи, нигде по нашей земле вам не удастся идти как у себя дома!»

Где-то на склонах высоты начали стрелять. Хлестнул винтовочный выстрел, потом еще один и еще. Коротко стал бить чей-то ППШ. Потом заработал короткими очередями ручной пулемет. Резко и гулко стреляло противотанковое ружье. Даже два. Алексей улыбнулся. А он думал, что никого не осталось. Нет, мы вам еще покажем, что такое советский солдат!

– Логунов, слушайте приказ, – подключившись снова у люка механика-воителя к ТПУ, заговорил Соколов. – Бить по немецким танкам. Только по танкам! Других

целей для вас нет. Останутся осколочные – бейте по гусеницам осколочными. Старайтесь повредить катки, разбить траки гусениц. С пехотой и бронетранспортерами есть кому воевать. Поняли меня?

– Понял, лейтенант, – сквозь лязг заряжаемого орудия послышался голос сержанта.

Алексей заглянул в блиндаж. Омаев уже стоял возле амбразуры с пулеметом, уже искал на поле цели, ждал приближения врага. Возле него топтался с серьезным лицом Бабенко. Алексей подошел к своим танкистам.

– Вот что, ребята, воевать совсем некому. Многие погибли. Так что, Руслан, справляйся пока сам. Вы, Бабенко, принесите ему из танка все пулеметные диски, которые там остались. Затем возьмите автомат и прикрывайте танк вот отсюда. Из ячейки возле блиндажа. Я займу позицию с другой стороны. И помните, ребята, последний из нас подожжет «семерку». Бутылка под моторным отсеком, на земле. Пока цела. Стреляйте без команды, но только экономьте боеприпасы.

Оставив ППШ Логунову, Алексей отдал один трофейный «шмайсер» Бабенко, второй взял себе. Вжавшись в землю и положив автомат перед собой, Соколов снова взял бинокль. К его большому изумлению, стреляла даже одна 45-мм пушка. Это было удивительно, но артиллеристы уже подбили два немецких танка. Слабенькая противоснарядная броня немецких «панцер-IV», а тем более «панцер-III» пробивалась нашими пушками почти с первого выстрела. И несколько противотанковых ружей, чудом уцелевших после артналета, тоже пробивали мощными специальными патронами броню, делая свое дело.

Звонко выстрелила «семерка». Алексей проследил, как пролетел трассер и воткнулся точно в моторный отсек немецкого танка. Тот сразу загорелся. «Так вот вам ставить на танки бензиновые двигатели», – мысленно усмехнулся Соколов.

Немцы стали стрелять в ответ, делая короткие остановки. Взрывы снова обрушились на позиции батальона, выбрасывая в небо фонтаны земли. «Семерка» выстрелила снова, и еще один танк не смог повернуть башню. Ее заклинило снарядом. Его добивали из «сорокапятки», а Логунов уже искал новую цель.

Немцы разворачивались, охватывая высоту подковой. Они уже подошли так близко, как не подходили еще никогда. Танки били из пушек почти в упор по пулеметным гнездам, не переставая стреляли пулеметы с лобовой брони, поливая окопы свинцом. Огоньки пулеметных очередей бились и над броневыми листами немецких бронетранспортеров. И все это хлестало и хлестало смертельным дождем по разрушенным позициям советских солдат. Вот уже и к окопам перед «семеркой» стали подходить немцы.

Впереди шла пехота. Немцы то поднимались, то падали, ища укрытия, но упорно шли перед танками, прикрывавшими их пулеметным и орудийным огнем. Омаев без промаха бил по немецкой цепи. Рядом стрелял уже и Бабенко, хотя стрелок из него был неважный. «Семерка» выстрелила несколько раз с очень короткими интервалами. Еще два немецких танка встали перед окопами. Еще один подбил кто-то из красноармейцев, бросив бутылку с горючей смесью. Она разлилась жидким огнем по моторному отсеку танка, а боец так и остался лежать на бруствере окопа.

Алексей поднял автомат и прицелился. Он стрелял короткими очередями, уловив, что при стрельбе длинными немецкий автомат сильно задирает вверх. Вокруг грохотало, взрывалось. Соколов уже не успевал смотреть, что делается на правом фланге обороны. Они с трудом удерживали немецкую пехоту на линии первых окопов.

Только теперь лейтенант понял, что там уже нет никого в живых, там только немцы. А танки переползают через воронки, через остатки окопов, поднимаются вверх, идут в сторону все еще стреляющей одинокой «семерки».

Несколько ударов о башню Соколов услышал. Рядом рвались осколочно-фугасные снаряды. Броню «тридцатьчетверки», как горохом, осыпало осколками немецких снарядов. Соколов стрелял и стрелял, меняя рожки. Потом понял, что их осталось всего два. Пулемет справа из блиндажа бил и бил, прижимая немцев к земле. Справа, на склоне чуть ниже блиндажа, Алексей увидел двоих немцев, которые ползли в мертвой зоне блиндажа с гранатами наготове. Они хотели заставить замолчать пулемет Омаева. Лейтенант повернул ствол автомата и первой же очередью свалил одного немца. Второй прижался к земле, поняв, что их обнаружили, и шустро начал отползать назад. Его застрелил красноармеец из трехлинейки. Он был ранен и полз в сторону единственного танка, единственного участка обороны, который еще держался. Но тут пулеметная очередь прошла по земле, взметывая фонтанчики, и через спину бойца.

Красноармеец выгнулся и упал без движения. Винтовка покатилась по склону вниз и замерла возле головы убитого немца.

Снова взрывы, еще взрывы. Потом рядом с Соколовым появился Логунов со своим ППШ. Он кричал что-то на ухо командиру, но тот не слышал. Логунов положил ствол автомата на бруствер и стал стрелять короткими очередями то вправо, то влево. Около него прижался Коля Бочкин с немецким автоматом в руке. Но Логунов его почему-то отталкивал в сторону. Потом чудовищный взрыв взметнул в небо бревна, блиндаж развалился и осел в клубах пыли. Алексей бросился было туда, споткнулся о ноги Бабенко и упал. Сверху ударило так сильно, что он потерял сознание.

Дышать было нечем. Алексей задыхался и скреб ногтями землю, Потом он полз куда-то в темноте, потом на него снова что-то свалилось. Лейтенант перестал видеть и слышать. «Все, – билось и пульсировало в голове, – все, конец, я убит. Мы все погибли… «Семерка», мы не уничтожили «семерку»!»

Немецкие солдаты бродили по позициям погибшего батальона, пиная ногами каски, обломки оружия. Живые командиры, русские командирские планшеты, штабные карты или сейфы им не попадались. Солдаты перешучивались, что их артиллерия так все перепахала, что здесь можно сажать русскую картошку.

Несколько живых русских все же нашли. Грязные, в рваном обмундировании, они шатались и все время падали. Один из ефрейторов поднял было автомат, чтобы пристрелить этих несчастных, но обер-лейтенант крикнул, что всех пленных следует спустить вниз к дороге. Ефрейтор тихо выругался, подозвал двоих своих солдат и велел им гнать русских вниз, к дороге.

Внизу, возле танков, остановился бронеавтомобиль, из него вышел грузный оберст[4 - Звание в вермахте, аналогичное полковнику в Красной Армии.]. Они о чем-то поговорили с обер-лейтенантом и пошли торопливо вверх к одиноко стоявшему в окопе русскому танку.

– Это он? – спросил оберст, обходя русскую машину по брустверу осыпавшегося окопа.

– Да, он стрелял до последнего, пока у него не кончились боеприпасы. Мои солдаты лазили в него, там все цело. А вот это, – обер-лейтенант толкнул ногой бутылку с бензином, лежавшую в нескольких метрах от кормы танка, – нашли под моторным отсеком. Русские танкисты просто не успели поджечь свою машину. Смею заметить, что это мужественные люди и хорошие солдаты. Они хорошо понимают, что такое долг и присяга.

– Они все погибли?

– Не знаю, тут все в сплошных воронках.

– Здесь кто-то есть! – закричал фельдфебель и побежал к танку. – Осторожнее, все сюда, там могут быть живые русские.

– Давайте отойдем, – посоветовал обер-лейтенант.

Несколько солдат вместе с фельдфебелем засуетились у полузасыпанного окопа, где под рыхлой землей, обломками досок чувствовалось шевеление. Солдаты стали разгребать завалы.

Вот появилась фигура в черном комбинезоне. Русский кашлял и начал крутить головой. Его лицо и волосы были в земле и пыли. Пленного посадили у бруствера и стали вытаскивать второго, потом под обломками появился и третий. Он тоже дышал.

– Это танкисты, – уверенно заявил подполковник. – Я думаю, что это экипаж вот этого самого танка. Им повезло, что их просто оглушило и засыпало. Но должен быть и четвертый. В русских Т-34 экипаж состоит из четверых человек.

– Вам нужны эти танкисты? – спросил обер-лейтенант.

– Нет, мне нужен только танк. Хорошо, что вы смогли захватить целый русский танк. Я вызвал тягач, он вытащит его отсюда. А с танкистами решайте сами. Вы куда отправляете пленных русских?

– Тут недалеко у Берсенево создан фильтрационный лагерь. Отправим туда. Хотя здесь почти никто не выжил.

Когда Соколов наконец откашлялся и открыл глаза, он сразу увидел свою «семерку», а за ней на краю окопа двоих немецких офицеров. Один худой и высокий, второй грузный и важный. Разглядеть форму и погоны Алексей не мог. Да и не до этого ему было сейчас. Он видел, что немецкие солдаты одного за другим вытаскивают из завалов его танкистов. Бабенко живой, кашляет. Тоже земли наглотался. Коля Бочкин головой трясет. Наверное, оглушило сильно. «Эх, ребята, мы так и не уничтожили танк, – лейтенант попытался подняться. Если броситься вперед, свалить с ног двоих немецких солдат и – к кормовой части? Там бутылка. Нет, не успею, даже спички из кармана мне достать не дадут». Потом до слуха Соколова донеслась немецкая речь:

– Есть и четвертый, господин подполковник. У него ноги были засыпаны, а сам он под танком. Может быть, под него заползти хотел и не успел.

Логунова вытащили за ноги. Лицо сержанта было рассечено, кровь засохла на щеке и подбородке. Немец что-то приказал. Танкистов, предварительно обыскав и отобрав документы, посадили у земляной стены окопа. Подошел солдат с фляжкой и подал ее Соколову. Алексей потряс, услышал, как внутри плещется вода, и протянул фляжку Бочкину. Николай отвинтил крышку и жадно припал к горлышку. Сделал несколько глотков, закашлялся и передал фляжку Логунову.

– Раз воды дали, – хрипло сказал сержант, – значит, сразу не шлепнут.

– Танк, танк не уничтожили, – зло отозвался Соколов. – Лучше бы нам умереть.

– Ну это мы еще погодим маленько. Руслана жалко, конец пареньку, не сумел отомстить.

Соколов повернул голову к остаткам блиндажа. Бревна свалились вниз, погребли под собой храброго чеченца. «Наверное, туда попал снаряд. И не похоронить его. Прощай, Руслан».

Немцы подошли к танкистам, отобрали фляжку, подняли их с земли и тычками повели вниз по склону высоты. Соколов несколько раз пытался оглянуться на осиротевшую «семерку», но его грубо толкали прикладами винтовок.

Танкисты видели, что наверх по склону пошел немецкий тягач с буксирной лебедкой и приспособлением в виде крана. Уже потом, с дороги, они смотрели,

как «тридцатьчетверку» вытягивают из окопа.

– Ребята, – срывающимся от обиды и злости голосом заговорил Соколов, – давайте поклянемся, что вырвемся из плена и найдем нашу «семерку». А там… уже как получится. Или спасем, или уничтожим! Но в руках врага не оставим!

– Да и по уставу как-то не положено матчасть оставлять врагу, – пробубнил угрюмо Логунов, трогая пальцами рассеченную кожу на лице. – Очень нас не поймут, если мы явимся к нашим и скажем: простите, немцам свой танк подарили. Такие вот мы растяпы.

– Да как ее теперь найдешь, – шмыгнул носом Бочкин.

– Найдем, я знаю, как!

Колонна шла вторые сутки. Обессилевшие военнопленные, еле передвигая ноги, кашляли, тихо переругивались и плелись, понурив головы. Алексей шел со своим экипажем в середине колонны и поглядывал по сторонам. Стыд жег его изнутри, сердце колотилось так, что казалось, его звук слышали даже конвоиры. «Плен, – билась в голове его мысль. – Плен, плен! Я же командир, я же должен был принять все меры, чтобы спасти или уничтожить танк. Но я вместе с экипажем попал в плен. Пусть обезоруженный, оглушенный, но все равно попал в плен».

Терзаясь от стыда, Соколов все равно успевал смотреть по сторонам. Он увидел разбитую табличку, на которой по-немецки было написано «Берсенево». Алексей вспомнил разговор двоих немецких офицеров, которые говорили о Берсеневе как о фильтрационном лагере для советских военнопленных. «Что-то нас ждет дальше», – подумал Алексей. Что будет с ними здесь, он не знал сам и не хотел вселять тревогу в сердца танкистов. Судя по их лицам, тревожных мыслей у них хватало и без него. Наверняка каждый думал о доме, о родных, о том, смогут ли они вернуться когда-нибудь к ним.

Резкими криками и ударами прикладов конвоиры повернули голову колонны на проселочную дорогу. Метрах в ста впереди были видны вкопанные в землю столбы, переплетенные колючей проволокой. За столбами двумя рядами выстроились дощатые бараки и пулеметные вышки охраны. Шаркая ногами, военнопленные медленно входили в распахнутые ворота. Проходя мимо бараков,

они видели через открытые двери внутри трехэтажные нары, на которых сидели и лежали красноармейцы. Большинство в рваной и грязной форме, многие без обуви.

Самый последний барак оказался пустым. В него и стали загонять прибывших. Соколов и его экипаж заняли нары в самой середине барака. Бабенко уселся и опустил голову. Логунов сразу улегся и накрыл голову рваной грязной подушкой. Коля Бочкин сел рядом со своим земляком и стал крутить головой по сторонам, разглядывая соседей.

Алексей в задумчивости стоял рядом и тоже разглядывал соседей. Он увидел нескольких командиров с кубиками в петлицах, одного политрука, но большей частью это были красноармейцы и сержанты со стрелковыми эмблемами.

Плохо струганные столбы, настеленные доски, на которых комками лежали набитые соломой матрасные мешки. Вонь немытых тел, запах прелой соломы и грязного тряпья стояли в воздухе. Но больше всего томила неволя, угрюмость сотен людей, согнанных сюда насильно. Большинство смирилось с неизбежной смертью, с пленом, кто-то страдал от стыда. Говорить ни о чем не хотелось. Алексей понимал своих танкистов: уныние было на грани отчаяния. Лейтенант и сам боролся с этими чувствами. Но старался держать себя в руках. Никакие серьезные мысли о том, как можно вырваться из плена, в голову не приходили. Соколов понял, что причиной тому – усталость, голод и жажда. Пленных не кормили почти двое суток.

В конце концов Соколов улегся на нары рядом с Лагуновым и закрыл глаза. Он задремал, и перед его внутренним взором замелькали картины боя, горящие танки, лица бойцов и командиров, которые сражались там, на высоте.

Неожиданно в бараке поднялся шум. Алексей открыл глаза и увидел, что пленные занесли в барак несколько пищевых баков и холщовый мешок с кружками и мисками, которые высыпали прямо на землю рядом с баками. Новые обитатели барака потянулись за едой.

Лагунов тут же поднял голову, принюхался и, вскочив на ноги, заявил, что сейчас он всем принесет еды. Он махнул рукой Николаю, и тот поспешил за своим земляком. Минут через десять они действительно вернулись, с трудом протолкавшись через толпу, с четырьмя мисками и кружками. Соколов и Бабенко

освободили нижние нары и уселись вокруг «стола». То, что оказалось в мисках, назвать едой можно было с очень большой натяжкой. Какая-то темная бурда, в который плавал плохо очищенный картофель и несколько потемневших листьев капусты. Алексей съел несколько ложек, поморщился, но заставил себя продолжать. Желудок нужно было обязательно чем-то наполнить. И механик-водитель, и Коля Бочкин ели с такой же неохотой. В отличие от других, с видимым аппетитом ел только Логунов.

После еды в бараке снова стало тихо. Многие просто улеглись на нары и стали ждать неизвестно чего. Или жить, или умереть. Многие смирились, хотя немало было и тех, кто шептался, собравшись кучками в разных углах. Соколов, расчесывая тело от укусов клопов, которых тут оказалось великое множество, стал присматриваться, стараясь понять, что же за атмосфера царит в бараке. Вскоре ему удалось расслышать негромкие разговоры. Кто-то убеждал, ссылаясь на пленных, прибывших в лагерь раньше, что здесь людей разбирают по принципу пригодности. Если понравишься, сможешь себя показать, дадут работу, кормить будут. Говорят, даже баб иногда дают на ночь тем, кто хорошо работает. А бабы, мол, из бывших советских работников и военных врачей.

– Эх вот бы такую, как у нас в полку была военврач, – смачно сплюнул боец с бритой наголо головой. – В теле женщина, грудь колесом, аж халат лопался. Я б такую ночь повалял запросто.

– Работай на немчуру лучше, – хмыкнул другой боец, – они тебе будут давать. Салом кормить и водкой поить. Ты только старайся. А потом, как того откормленного хряка, – под нож.

– Что ты брешешь – «под нож». Им тоже, знаешь, помощники нужны. С такой землищей не управиться. Я на карте видел: что тебе Германия, кукиш на палочке, а что тебе СССР! Четвертями не измерить!

– Помощнички, – зло проворчал Логунов и повернулся на другой бок.

Спорщики замолкли, но теперь стало слышно, как разговаривают совсем рядом на верхнем ярусе.

– Фильтруют они нас, как молоко после дойки. На то лагерь и называется фильтрационным. Только сито у них, сам понимаешь, свое. Говорят, здоровых и

сильных они на работу отправляют. Коммунистов, комиссаров и командиров – это, само собой, в расход. Где-то тут недалеко и кончают. Чтобы, значит, не мутили воду. Чтобы мы баранами были.

– А те, кто для работы не годится? Ну, слаб там здоровьем, очки, скажем, носит или желудком страдает. С теми как? Тоже… в овраг?

– А кто их знает. Про это не сказывали.

Алексей весь похолодел и машинально потянул воротник комбинезона, чтобы не так бросались в глаза его командирские «кубари» на петлицах. «Командиров, значит, расстреливают. Значит, не жить мне, нет, значит, надежды сбежать во время транспортировки. А с чего я взял, что нас вообще куда-то повезут? Поддался настроению этих, «помощничков». Уже надеюсь на работу, чтобы и сало, и водка, и баба на ночь? Тьфу! Надо посоветоваться с ребятами, – решил лейтенант, и тут же снова засомневался. – А не получается, что я пытаюсь от смерти спастись и поэтому прошу их помощи? Стыдно, товарищ младший лейтенант! А вот за это стыдно вдвойне, – поймал себя на другой скверной мысли Соколов. – Не верить своим боевым товарищам, тем, с кем по тылам столько пройдено, с которыми уже не один день вместе сражались? Стоп, товарищ Соколов, – приказал себе лейтенант, – прими командование. Это твои бойцы, твой экипаж».

– Ребята, – Соколов лег на нары и тихо позвал танкистов, – давайте ко мне поближе.

Логунов открыл глаза, посмотрел на командира. Он легко поднялся с лежанки, сунул голову на верхний ярус, где лежали Бабенко и Коля Бочкин, и о чем-то пошептался с ними. Через несколько секунд, без спешки, танкисты спустились к своему командиру. Соколов сразу отметил, что глаза у всех горели надеждой. Значит, верят еще в своего командира. Это он усомнился в своем экипаже. «Никогда себе этого не прощу», – подумал Соколов.

– Слушайте меня, – снова заговорил лейтенант. – Говорить буду тихо. Откровенно шептаться нельзя. Тут разные люди кругом.

– Они же советские люди? – удивился Бабенко.

– Спустись на землю, инженер, – проворчал Логунов. – И среди советских всегда были такие… притаившиеся. Кто только и ждет, чтобы продаться врагу. Зря, что ли, НКВД столько людей пересажало в лагеря. Неспроста это. Вы командира слушайте лучше.

– Значит, так, ребята. Похоже, в этот лагерь собирают всех военнопленных, а здесь уже разбирают, кого куда. Меня, скорее всего, расстреляют как командира, так что действовать вам придется втроем.

– Как это? – взвился Бочкин, ударившись головой о верхний брус, но тут же притих, потирая место ушиба. – Как это расстреляют? А откуда они узнают? Мы не выдадим…

Соколов многозначительно постучал себя пальцами по воротнику с петлицей.

– Вот откуда, – сказал он. – Только учтите, что отговаривать меня и советовать снять гимнастерку бесполезно. Это подло, это трусость, и я на такое никогда не пойду. Я давал присягу советскому народу, и я ее не нарушу. Придется умереть – я умру как гражданин и как командир Красной Армии. За меня не будет стыдно ни вам, ни командованию. Слушайте дальше.

Танкисты снова потупились, слушая, как лейтенант советует им держаться вместе и ни с кем из пленных не откровенничать. Если уж попадется кто, внушающий доверие, действительно мужественный человек, готовый к борьбе, или член партии, или командир, с тем можно говорить и в свои планы посвящать. Но никак иначе. Надо постараться, чтобы экипаж всегда держался вместе. Так легче, потому что есть доверие друг к другу. И один другого не бросит.

– Я думал, у вас конкретное предложение есть, – задумчиво сказал Логунов. – Вы все правильно говорите, но нам надо бы подумать, как бежать отсюда. Я предлагаю по очереди подходить к дверям, которые раскрыты все время настежь, и наблюдать. А чтобы в глаза не бросалось, ходить туда по одному. Вроде как воздухом подышать. Нам надо понять, какое ограждение, какая охрана, как она тут у них организована, с какой частотой обходы вдоль проволоки, есть ли собаки.

– Если выберемся, – тихо сказал совсем упавший духом Бабенко, – то до своих нам топать и топать. Вы заметили, что и канонады уже не слыхать. Хорошо, что я с вами. А то одному мне бы не дойти. Я ведь сугубо гражданский человек. Хотя и танки испытывал.

– Тихо ты! – шикнул на механика-водителя Логунов. – Еще здесь крикни об этом! Не волнуйся, гражданский человек, с нами не пропадешь. Верно, товарищ командир?

– Верно, сержант, – согласился Соколов. – Только нам не к своим идти надо, Семен Михайлович, а «семерку» искать. Нельзя нам без нее возвращаться. Мало того, что в плену были, так еще и танк потеряли.

– Да я что, я с вами, разве я говорю, что не пойду. Я же тоже член экипажа и присягу давал. И у меня долг перед Родиной. Меня другое беспокоит – как его найдешь, танк-то наш? – пожал плечами Бабенко. – Это как иголку в стоге сена искать. А вот про Алексея Ивановича я вам так скажу. Негоже нам, ребята, бросать командира. Если его поведут расстреливать, ей-богу, поднимусь и с ним пойду. Вместе воевали, вместе и умирать. Не будем друг друга предавать.

– А ведь прав ты, Семен, – вздохнул Логунов. – Чудом не погибли, так надо хоть не осрамиться перед смертью.

– Перестаньте! – вспылил Соколов, но тут же сбавил тон и продолжил говорить шепотом: – Я вам запрещаю даже думать об этом. Каждый должен стараться выжить, любой ценой. Вы что, не понимаете, что наша смерть на руку врагу? Да такого механика-водителя, как Семен Михайлович, во всех танковых войсках не сыскать. Бывший водитель-испытатель танкового завода! А сержант наш? Финскую прошел, наводчик, каких не найти. С первого выстрела любой танк, любую цель! Да и командир толковый. Я могу на него не только танк, я могу на него взвод оставить без боязни. А Коля? Вы вспомните, как они храбро бой приняли с Логуновым у подбитых танков! Вот только Руслана Омаева с нами нет. Погиб паренек, земля ему пухом. А какой стрелок был! Это же надо так уметь, он же самолет сбил из пулемета. Помните?

– Ну, это конечно, – смущенно согласился Логунов и перевел разговор на другую тему. – Только вот я о плане своем хочу вам рассказать. На случай, если выберемся. Я знаю, что у немцев своей техники не хватает. Да и шутка ли,

вооружить такую армаду за свой счет. Они же, как говорили командиры, по всей линии границы нас атаковали. Так вот, слышал я, что у них в составе танковых частей и соединений много танков, захваченных в Европе у разбитых армий. И чешские есть танки, и бельгийские, что ли, какие-то. А вот спросите у нашего лейтенанта, есть ли хоть один у немцев танк лучше нашей «тридцатьчетверки». Нет, скажет он вам. А потому, мыслю я, будут немцы и наши танки использовать[5 - Уже к октябрю 1941 года в немецких войсках, по причине собственных огромных потерь в бронетехнике, находилось около 100 советских танков различных типов. С середины 1942 года на вооружение частей, оснащенных трофейными советскими танками, стали поступать машины с германских ремонтных предприятий. В дивизии «Рейх» был сформирован отдельный батальон, на вооружении которого числилось 25 танков Т-34. А в 5-й и 12-й полицейских танковых ротах советские танки Т-70 эксплуатировались до конца 1944 года. Всего за период с июня 1941-го по май 1945 года немецкие войска ввели в строй и использовали в боях с Красной Армией более 300 советских танков.]. И «тридцатьчетверки», и «КВ». Задарма достались, чего же не взять.

– Ну, не задарма, – возразил Соколов, – они потери приличные понесли, пока нашу «семерку» захватили. Я думаю, что так и с каждым советским танком. Значит, вы предлагаете искать место, куда наши танки собирают, где немцы будут учить своих танкистов воевать на наших танках?

– Так точно, – кивнул сержант. – Должны же быть мастерские для починки, потому как танк после перегона всегда требуется привести в порядок. А еще там полигон должен быть.

Несмотря на энтузиазм сержанта и душевный подъем других членов экипажа, никаких других полезных идей, как вырваться из плена, в голову не пришло. Прошла бессонная ночь, на протяжении которой все не столько спали, сколько сражались с клопами, которыми были просто набиты старые грязные матрацы.

А утром к бараку пришли около полусотни немцев с автоматами и собаками. Крики, удары, непрекращающийся злобный лай натасканных на людей псов снова всех вогнали в глубокое уныние.

Немцы построили пленных вдоль многоярусных нар по обе стороны от прохода и стали одного за другим выталкивать к выходу. Набралось, наверное около сотни. Их вывели из барака. Следом ушли и автоматчики. В бараке повисла угрюмая

тяжелая тишина. Никто не разговаривал. А когда примерно через час где-то вдали послышались характерные сухие очереди немецких автоматов, пленные приуныли окончательно. Вечером, когда снова принесли еду, уже никто не бросился к ней сломя голову. Кое-кто даже не поднялся со своих нар. Соколов в этот момент стоял у дверей, глядел наружу. Увидев пленных – разносчиков пищи и охранников, он отошел вглубь барака. Но когда немцы ушли, он снова встал у дверей.

Мыслей, как устроить побег, не было. Да и что тут можно придумать? Колючая проволока, натянутая в несколько рядов между толстыми столбами, на высоте более двух метров сделан козырек из той же колючей проволоки, чтобы на ограждение нельзя было залезть. Дальше коридор, по которому ходят автоматчики с собаками, и внешнее ограждение, такое же, как и внутреннее. По ночам ограждение освещает прожектор, да и по лагерю лучами водят. И бараки на ночь закрывают. Больше ничего из дверей не видно, а ночные и дневные наблюдения за режимом охраны больше внушают пессимизма, чем надежды.

Чтобы перебраться через проволоку, в который уже раз принимался размышлять Алексей, нужны доски или лестницы. Пара фуфаек, наконец, чтобы перебраться через «колючку». Еще лучше кусачки, чтоб проволоку перекусить и сделать проход. А как убрать охрану? Можно рассчитать время прохода автоматчиков с собаками по коридору между рядами проволоки. Оно и так примерно известно – минут тридцать. А вот что делать с солдатом на вышке, у которого пулемет? Снять, но вышка стоит за двумя рядами проволоки снаружи. Винтовка нужна, но это шум. И винтовки нет, и вообще все плохо и безнадежно.

Алексею иногда от таких размышлений и ожидания, когда придут за ним и отведут, как командира на расстрел, хотелось просто броситься на проволоку. Пусть рвут собаками, пусть расстреливают из пулемета. Но это хоть какое-то действие. Полное бездействие угнетало до состояния нежелания жить вообще.

Алексей стоял, полный отчаяния, до тех пор, пока по двору не стали ходить автоматчики с собаками и запирать бараки. Он шел по бараку к своим танкистам и думал об одном. Жить, очень хочется жить, чтобы сражаться! Почему на его земле чужие люди со своими порядками, по какому праву они здесь распоряжаются? Почему вообще он, гражданин своей страны, на территории своей страны сидит в каком-то бараке? Бежать, бежать, зубами перегрызть проволоку, если надо, то и глотки немецких солдат, а если придется, то и их собак. И бежать, сражаться, убивать, гнать из своей страны.

Глава 3

Руслан Омаев пришел в себя от холода. Где-то наверху слышались характерные звуки накрапывающего дождя. Капли постукивали, стекали по бревнам и попадали молодому чеченцу прямо за ворот гимнастерки. В голове гудело, тело затекло, особенно ноги. Он совсем их не чувствовал. Руслан решил было, что ранен в ноги или их совсем оторвало. Но потом, без паники, он стал пытаться шевелить ими, шевелил до тех пор, пока не почувствовал покалывание в мышцах.

Вместе с тем к нему пришло осознание того, что он жив и находится где-то под завалом из бревен блиндажа. И как только в голове всплыло слова «блиндаж», память сразу вернулась к нему. Танкист вспомнил ожесточенный бой, длившийся двое суток на высоте. Вспомнил, как он стрелял из танкового пулемета по немецкой пехоте. Они перебегали по полю, стараясь укрыться за танками и бронетранспортерами. Но он находил их через диоптрический прицел и жал на спусковой крючок.

Убил он немцев за эти два дня много. Эта мысль принесла Руслану удовлетворение. Голова никак не хотела проясняться до конца. Боль во всем затекшем теле изматывала, странная вялость и тошнота заставляли лежать и думать о смерти. Потом Руслан вспомнил Людмилу. Да, война, весь народ поднялся на защиту Родины. Но еще была русская девушка, санинструктор из медсанбата в механизированном корпусе, куда его направили служить после учебной роты. «Да, Люда, Людочка, Людмила. Руслан и Людмила, так шутил Коля Бочкин, заряжающий. Она погибла, вот откуда эта боль и ненависть».

Ребята! Мысль от Людмилы сразу же метнулась к Николаю Бочкину, с которым они в последнее время подружились, потом – ко всему экипажу их танка. «Ребята, вы где? Неужели все погибли?» И сразу появилось желание жить, бороться.

Руслан заворочался, потянулся руками к лицу, протер глаза. Свет был, много света. Он проникал сквозь бревна, наваленные сверху и лежавшие одним концом на передней стенке блиндажа. Хорошо, что она выдержала, иначе бы

Руслана просто завалило ими.

Ежась от холода, Омаев стал осматриваться. Да, ноги целы, но их надо вытащить из-под завала. Несколько минут отчаянных попыток перевернуться на живот все же увенчались успехом. Теперь Руслан понял, что под его головой куча рыхлой земли. И если пробиваться наружу, то не вверх, через бревна, которые могут обрушиться, а в направлении бревен, лежавших одним концом на стене.

Он стал выгребать руками землю. Копал долго, выбранную землю старался заталкивать под себя, вбок за бревна, под них. И какое было удовлетворение, когда наконец его рука провалилась через земляную кучу наружу. Руслан понял, что это свобода. Да, окоп, пустота. Совсем немного прорыть, откидать рыхлую землю, и он выберется.

Как ему показалось, работа заняла часа два. А может, это просто от усталости и тошноты, которая то и дело накатывала на Руслана. И когда он выбрался из завала и оказался в окопе, то просто упал ничком и отдыхал, почти спал, минут пятнадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Этот случай описывал в своих мемуарах генерал-полковник Эрхард Раус, который в июне 1941 года был полковником и командовал танковой группой в составе 6-й танковой дивизии 41-го танкового корпуса вермахта. Этому эпизоду

он посвятил в мемуарах целых 12 страниц. Немцы похоронили экипаж, если верить Раусу, с воинскими почестями.

2

Пост ВНОС – Пост воздушного наблюдения, оповещения и связи.

3

Испытания первых систем ПТР (противотанковых ружей) проходили в СССР еще в 1936–1938 годах, а массовое производство утвержденных образцов началось только в сентябре 1941 года. Но первые образцы ПТР, в основном тульского производства, попадали на фронт уже в июле 1941 года. По некоторым оценкам, до 1000 образцов (в основном опытных).

4

Звание в вермахте, аналогичное полковнику в Красной Армии.

5

Уже к октябрю 1941 года в немецких войсках, по причине собственных огромных потерь в бронетехнике, находилось около 100 советских танков различных типов. С середины 1942 года на вооружение частей, оснащенных трофейными советскими танками, стали поступать машины с германских ремонтных предприятий. В дивизии «Рейх» был сформирован отдельный батальон, на вооружении которого числилось 25 танков Т-34. А в 5-й и 12-й полицейских

танковых ротах советские танки Т-70 эксплуатировались до конца 1944 года. Всего за период с июня 1941-го по май 1945 года немецкие войска ввели в строй и использовали в боях с Красной Армией более 300 советских танков.

Купить: https://tellnovel.com/sergey-zverev/lobovaya-ataka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити